DOI: 10.31249/rsm/2022.02.02

Ф.О. Трунов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ И ФРГ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ К НАЧАЛУ 2020-х годов: ДОСТИЖЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ?

Аннотация. *Значимым фактором эволюции мирополитического ландшафта является растущая активность «восходящих» держав. Традиционно этот термин используется для обозначения поднимающихся центров влияния, расположенных вне Евро-Атлантического сообщества. В связи с этим рассматриваются особенности внешней политики России в середине – второй половине 2010-х годов. Однако существует и исключение из представленного географического восприятия «восходящих» держав – Германия. Задача статьи состоит в изучении состояния и перспектив взаимодействия РФ и ФРГ по решению вопросов безопасности и обороны к концу 2010-х годов.*

Выделяются три магистральных фактора, определяющих взаимоотношения двух стран – историческая память, интегрированность Германии в состав Евро-Атлантического сообщества и движение ФРГ к положению полновесного мирового игрока. В первом случае рассматривается вклад, включая объем потерь, российской (советской) стороны в сдерживание агрессии германо-прусского государства в ходе Семилетней, Первой мировой и Великой Отечественной войн. Во втором – показываются те границы кооперации, которые устанавливает органичная интегрированность Германии в состав евро-атлантических институтов. При изучении третьего фактора исследуется исторически определенная важность поддержки «позднего» СССР и России в процессе движения Германии к возвращению статуса мировой державы, особенно на примерах подъема отношений в 1990–1994 гг. и 2002–2005 гг. Выявленные закономерности подтверждаются посредством детального исследования фазы улучшения отношений в 2017–2018 гг. и их последовавшей деградации. Делается вывод о перспективах динамики кооперации двух держав с учетом определенных в статье циклических закономерностей.

Ключевые слова*: Германия; Россия; историческая память; сотрудничество; вооруженные конфликты; Украина; Сирия; Ливия; Сочинский формат; Берлинская конференция.*

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки
ИНИОН РАН. Россия, Москва.
E-mail: 1 trunov@mail.ru

Trunov Ph.O. **German-Russian cooperation in the sphere of security and defense by early 2020-s: reaching the limits?**

Abstract. *The growing activity of emerging powers is one of the key factors of the evolution of global political landscape. Traditionally, this term is used to refer to the rising centers of influence which are located outside the Euro-Atlantic community. Consequently, the article considers Russian foreign policy during the second half of the 2010 s. But there is an exception to such geographical rule of emerging powers` location, which is Germany. The goal of the article is to explore the current state and prospects of Russian-German relations in the sphere of security and defense.*

The paper identifies three main factors that determine the relationship between Russia and Germany. These are historical memory, Germany's integration in the Euro-Atlantic community, and its shift towards the role of a global power. In the first case, the paper explores the contribution, including human losses, of the Russian (Soviet) state to the containment of aggression of the German-Prussian state during the Seven Years` war, World War I and the Great Patriotic war. In the second case, the author shows the limits of bilateral cooperation, which are determined by the Germany's integration into the Euro-Atlantic institutions. As part of the study of the third factor, the article shows the historically determined importance of late Soviet and Russian support for the success of German efforts in becoming a global power, particularly in 1990–1994 and 2002–2005. The paper confirms the revealed patterns by detailing the improvement of relations in 2017–2019 and their further deterioration. The paper makes a conclusion regarding the prospects of the bilateral cooperation dynamics based on the previously defined cyclic patterns.

Keywords: *Germany; Russia; historical memory; cooperation; armed conflicts; Ukraine; Libya; Sochi format; Berlin conference*.

Trunov Philipp Olegovich – Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher, the Department of Europe and America,
Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). Russia, Moscow.
E-mail: 1 trunov@mail.ru

Современный процесс ускорения сдвигов мирополитического ландшафта в полной мере затронул и Евро-Атлантическое сообщество. Его основа сформировалась во второй половине 1940-х – 1950-х годах, исходя из ведущей роли трех западных держав: США, Великобритании и Франции. Органичным элементом данной системы являлась и Западная (а в последующем и объединенная) Германия, двигавшаяся по пути наращивания ресурсной базы и увеличения удельного веса в принятии и реализации многосторонних решений по линии НАТО и ЕС (до 1992 г. Европейских сообществ). ФРГ превращалась в едва ли ни единственную «восходящую» державу в составе Евро-Атлантического сообщества.

Одним из магистральных изменений мирополитического ландшафта в XXI в. стало постепенное движение России по пути восстановления позиций, утраченных после распада СССР. Наиболее отчетливые формы этот процесс приобрел начиная с третьего президентского срока Владимира Путина (2012–2018). Это выразилось в ускорении интеграции внутри Евразийского союза и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Знаковыми событиями стало, во-первых, присоединение Крыма к РФ (17 марта 2014 г.), что внутри страны вызывало ассоциации с формулой «собирания земель» – базовой концептуальной основой внешней политики еще с эпохи Великого княжества Московского. Во внешнеполитическом контексте данное событие стало поводом и отправной точкой возникновения конфронтации между Евро-Атлантическим сообществом и Российской Федерацией. Этот процесс сразу приобрел полноценные общеполитическое, ценностно-информационное, экономическое и собственно военное измерения [Bartels, Glatz 2020, S. 1–2]. По количественным параметрам (особенно применительно к сфере безопасности и обороны) вновь возникшая конфронтация существенно отличается от «классической». Однако их качественные характеристики с учетом существенной эволюции мирополитических реалий позволяют утверждать о сопоставимости «новой» и «классической» конфронтации. Еще одним знаковым событием, уже на фоне стремительно развивавшейся конфронтации, стало применение Вооруженных Сил РФ для борьбы с террористическими группировками в Сирии (с 30 сентября 2015 г.). Это символизировало возвращение РФ на Ближний Восток как гаранта региональной стабильности. С данной географической точки зрения операция стала прецедентной в двух отношениях: она осуществлена впервые с момента самороспуска СССР и притом вне взаимодействия с Евро-Атлантическим сообществом: коалиция РФ – правительство Сирийской Арабской республики (САР) – Исламская Республика Иран (ИРИ) вела борьбу с международным терроризмом на сирийско-иракском ТВД параллельно со II западной антитеррористической коалицией. Эта линия диссонировала с участием миротворческих контингентов РФ в миссиях с ведущей ролью государств – членов НАТО и ЕС IFOR / SFOR в Боснии (1996–2003), KFOR в Косове (1999–2003), EUFOR Tchad в Чаде и ЦАР (2008–2010)[1], а также логистической поддержкой стран Запада в Афганистане.

Стремление к укреплению позиций на международной арене являлось для внешней политики ФРГ и РФ общим знаменателем, что отнюдь не было эквивалентно понятию «объединяющий». Задача данной статьи – изучить характер и перспективы российско-германского взаимодействия во второй

1. В скобках указаны хронологические рамки периодов практического взаимодействия (до момента их вывода) российских миротворческих контингентов с войсками стран – участниц ЕС и НАТО.

половине 2010-х годов на примере сферы безопасности и обороны. Методами исследования избраны сравнительный и ивент-анализы. На фоне огромного пула отечественных и зарубежных исследований, посвященных российско-германским отношениям, по естественным причинам взаимодействие сторон к началу 2020-х годов получило пока еще достаточно ограниченное освещение. Его оценка, а также прогнозирование развития диалога, невозможны без учета исторического опыта. Притом протяженность «шага» будущего обычно эквивалента хронологической глубине проводимого ретроспективного анализа. Поэтому автор попытался выделить магистральные (стратегические) детерминанты, заметное влияние которых на возможности кооперации двух стран в политической и военной сферах прослеживается на длительных временны́х отрезках.

Фактор исторической памяти

Едва ли существуют еще одни межгосударственные отношения, где исторический опыт играет столь значимую роль. В ходе трех из четырех (исключая большую часть эпохи Наполеоновских войн) крупнейших войн в Европе и мире в XVIII–XX вв. страны участвовали в боевых действиях друг против друга. Неизменным общим знаменателем этих требовавших предельного напряжения сил действий Российской империи и СССР выступала борьба с наступательными устремлениями германо-прусского государства.

Масштабное применение российских войск в Центральной Европе в Семилетнюю войну объяснялось стремлением не допустить реализации растущих агрессивных планов Пруссии, особенно с учетом милитаризации ее внешней политики. На протяжении кампаний 1757–1761 гг. Россия несла основную нагрузку (по результативности существенно более высокую, чем Австрия или Франция) в ослаблении военного потенциала Пруссии, добившись серьезных успехов и безвозвратно потеряв 120 тыс. воинов [Шефов 1999, с. 224].

В период существования Второго рейха (1871–1918) агрессивные устремления получили идеологическую основу: была создана концепция «Mitteleurora», согласно которой остзейские провинции и Царство Польское, находившиеся в подданстве российского императора, подлежали включению в зону процветания германо-прусского государства [Уткин 2001, с. 61–63]. Соответственно, стратегическим фактором вступления Российской империи в Первую мировую войну стало стремление к защите своей территориальной целостности (показательно, что в обществе войну именовали «германской»). Восточный фронт вносил на протяжении кампаний 1914–1917 гг. вклад в борьбу с германским милитаризмом, вполне сопоставимый с Западным фронтом. Потери были более 1,7 млн солдат и офицеров [Шефов 1999, с. 444].

Несмотря на последующее вынужденное подписание уже советским руководством Брестского мира с Германией (1918), усилия страны имели огромное и до сих пор не до конца оцененное значение для итоговой капитуляции Второго рейха и обнуления его агрессивных устремлений.

Особое место в ряду рассматриваемых военных конфликтов традиционно занимает Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: мощнейшая агрессия Третьего рейха и его сателлитов была направлена на уничтожение национальной государственности на территории СССР. Нацистская Германия в 1941–1942 гг. захватила огромные, большие в абсолютном отношении (особенно по численности населения), чем когда-либо занимались любым иным агрессором в российской истории, территории. На них последовательно насаждался жесточайший, направленный на физическое уничтожение, обнищание и порабощение проживавшего на них населения, оккупационный режим. Несмотря на тяжелые неудачи в ходе начального периода войны, именно Советский Союз внес решающий вклад в полный разгром мощнейшей «военной машины» Третьего рейха и уничтожение «коричневой чумы» – самой опасной угрозы человечеству. На фоне продолжающихся научных дискуссий об общих потерях СССР в Великой Отечественной войне, наиболее верифицируемой признается цифра в 26,6 млн человек, в том числе 11 млн 444 тыс. солдат, офицеров и генералов, включая 8 668 тыс. убитыми и умершими в плену [Шефов 1999, с. 510].

Таким образом, в ходе трех крупнейших конфликтов с германо-прусским государством было потеряно 10,5 млн военных (!). Дважды – в ходе Первой мировой и Великой Отечественной войн – страна понесла колоссальные людские и материальные утраты в результате наступательных операций Германии, которые объективно являются одной из магистральных причин трудностей социально-экономического развития современной России – прежде всего, в демографическом плане. Поэтому фактор исторической ответственности Германии не может не выступать бессрочно «краеугольным камнем» при выстраивании ФРГ как внешней политики в целом (особенно курса в области безопасности и обороны), так и особенно диалога с Москвой.

Создавая и развивая Боннскую (впоследствии Берлинскую) республику, ее руководство последовательно подчеркивало ее глубокое отличие как зрелой парламентской демократии от германо-прусского государства, при этом декларируя учет фактора исторической ответственности. Так, в вопросах развития и боевого использования военного потенциала власти ФРГ стремились демонстрировать градуированный подход, т.е. принцип «стратегической сдержанности». В соответствии с Парижскими соглашениями (от 23 октября 1954 г., подписаны с западными державами), а затем и договором об окончательном урегулировании в отношении Германии (от 12 сентября 1990 г., заключен с США, Великобританией, Францией, а также СССР) официальный

Бонн принимал на себя добровольные обязательства по отказу от производства, владения и распоряжения ОМУ / ОМП. В документе была зафиксирована формула мира и только мира, исходящего с немецкой земли [Договор 1994]. Воссоздавая вооруженные силы, власти ФРГ лимитировали число соединений, а также отказывались от их применения вне зоны ответственности НАТО в «классическую» «холодную войну» [The Bundeswehr 2009, p. 14]. В реалиях постбиполярного мира уже объединенная Германия отошла от этих самоограничений, однако стремилась сосредоточиться на небоевом (несиловом) использовании бундесвера, официально лишь дважды отойдя от этого принципа в ходе военно-воздушных операций на Балканах 1995 и 1999 гг.

Соответственно, в целом на практике уровень учета официальным ФРГ фактора исторической ответственности демонстрирует тенденцию к снижению. Одной из иллюстраций этого является эволюция отношения руководства ФРГ к визитам в Россию во время празднования Дня Победы. С одной стороны, эта составляющая диалога действительно оказалась «всесезонной», оказавшись редким исключением в частично разрушенной после 2014 г. системе контактов РФ с акторами Евро-Атлантического сообщества. С другой стороны, показателен характер данных визитов. Так, 10 мая 2015 г. А. Меркель прибыла в Москву, хотя сама дата визита (уже после Дня Победы, а не непосредственно 9 мая или накануне, как это делалось ранее), тональность и содержание переговоров [Pressekonferenz 2015] свидетельствовали об исключительно непростом восприятии друг друга в реалиях новой «холодной войны». 10 мая 2018 г., сразу же по завершении визита в Москву, глава МИДа Х. Маас провел переговоры с руководителями внешнеполитических ведомств стран Балтии, подчеркнув учет ФРГ в полной мере их обеспокоенности «российской угрозой» [Außenminister Maas 2018]. Вместе с тем это отнюдь не отрицало практической ценности регулярных переговоров с властями ФРГ 8–10 мая для улучшения диалога, в частности для запуска Сочинского формата (2017–2019).

8 мая 2020 г., в преддверии 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, состоялся достаточно дружественный по тональности телефонный разговор В. Путина и А. Меркель [Bundeskanzlerin Merkel 2020] (ее визит в Москву невозможен вследствие эпидемии COVID-19). Однако руководство ФРГ в принципе не рассматривало возможности своего присутствия на торжествах, перенесенных из-за пандемии на 24 июня, – день Парада Победы, что иллюстрировало начавшуюся деградацию диалога.

Показательно и то, что при праздновании уже своего юбилея – 30-летия объединения под эгидой ФРГ (1990) – ее действующий истеблишмент не обозначил определяющего вклада Советского Союза в этот процесс. Здесь следует подчеркнуть, что двусторонние отношения содержали в себе не только отмеченный негативный, но и значительный позитивный объем. Показатель-

но следующее правило развития диалога: его подъем в основном приходился на периоды движения германо-прусского государства к восстановлению или укреплению своего державного статуса: в этих случаях поддержка официального Санкт-Петербурга / Кремля приобретала важное значение. Так, в 1807 г. отечественная дипломатия сыграла ключевую роль в сохранении Пруссии на политической карте мира после катастрофического поражения войсками Франции [Тарле 1993, с. 191–192]. Активная координация усилий двух стран по борьбе с наполеоновской угрозой в 1813–1815 гг. обеспечила возвращение Пруссией утраченного статуса державы. Российская дипломатическая поддержка стала значимым фактором успехов Пруссии в войнах за объединение Германии в 1864–1871 гг. [Чубинский 1988, с. 145–261]. Чувствительными для Веймарской республики были контакты (в том числе военно-технические) с Советской Россией [Уткин 2000, с. 7–20]. Наконец, особо следует выделить вклад СССР в объединение ФРГ (1990), притом на условиях полного сохранения ее связей с партнерами по НАТО и Европейским сообществам.

Фактор органичной интегрированности ФРГ в состав Евро-Атлантического сообщества

В отличие от предшествующей истории германо-прусского государства, развивавшегося как мощное национальное государство с подчеркнутым собственным «я», ФРГ рассматривалась основателями ее политической системы в качестве постоянной, органичной части Евро-Атлантического сообщества. При этом еще со времен правления Конрада Аденауэра (1949–1963) официальный Бонн стремился занять роль четвертого партнера для трех западных держав, тем самым пытаясь вытеснить с этой позиции СССР – союзника «западных демократий» по антигитлеровской коалиции. Этим положением определялась парадоксальная на первый взгляд заинтересованность истеблишмента Боннской республики в возникновении и нарастании конфронтации предшествующей «холодной войны», хотя она таила огромные риски обороны для самой ФРГ, располагавшейся на линии разделения Запада и Востока. Состояние конфронтации «цементировало» германский раскол. Отвергнув предложение СССР (1952) о создании единой, но внеблоковой Германии, руководство Боннской республики пошло по иному пути. С одной стороны, ФРГ охватывала территориально в 1949–1989 гг. лишь часть германских земель. С другой стороны, используя фактор интегрированности в Евро-Атлантическое сообщество, руководство Боннской республики рассчитывало утвердиться в положении западной державы [Hacke 1988]. Вместо формулы внеблокового статуса предпочтение было отдано членству в НАТО, под эгидой которой был создан и стал развиваться военный потенциал ФРГ. Де-юре

отложив решение «германского вопроса» на длительную перспективу, истеблишмент Боннской республики надеялся добиться его урегулирования посредством включения в свой состав ГДР. В итоге этот сценарий, заложенный К. Аденауэром (1949–1963), был реализован Гельмутом Колем (1983–1998) – прежде всего благодаря резкому пересмотру при Михаиле Горбачеве основ внешнеполитического курса СССР [Из беседы 2006].

Притом вплоть до 1990-х годов Боннская республика играла роль «ведомого» со стороны трех западных держав, особенно в сфере обороны и безопасности. Изменение этого положения было обусловлено двумя основными факторами. Это, во-первых, объединение Федеративной Республики Германия (1990), позволившее начать использовать значительную ресурсную базу бывшей ГДР. Данное территориальное приращение резко диссонировало с ростом числа сецессий в мире, яркими примерами которых стали распад Югославии и Советского Союза. Полностью разрешив «германский вопрос» в выгодном для себя направлении, истеблишмент ФРГ смог переключить внимание на решение широкого спектра иных внешнеполитических задач. Во-вторых, этому в огромной мере способствовало окончание «классической» «холодной войны», позволяя высвободить часть военных ресурсов ФРГ, ранее целиком используемых для территориальной обороны, на решение проблем безопасности вне зоны ответственности НАТО [The Bundeswehr 2009, p. 28–29].

Хронологически совпавшие факты: боевое применение бундесвера в военно-воздушной операции НАТО против Югославии и решение о переносе столицы из Бонна (ассоциировавшегося с периодом истории ФРГ, когда она играла роль «политического карлика») в Берлин (символ имперской истории) иллюстрировали принятие Федеративной Республикой Германия статуса региональной державы (1999). Эпоха Берлинской республики стала продолжением в целом поступательного движения ФРГ по пути укрепления позиций в Европе и мире – к занятию в перспективе роли полновесного глобального игрока. Траектория данного движения была прочерчена еще при К. Аденауэре и последовательно оставалась ориентиром для истеблишмента Боннской (Берлинской) республики. Первоочередная ориентированность на партнеров по Евро-Атлантическому сообществу оставалась неизменным знаменателем внешней политики ФРГ. Этот фактор как четко (особенно в собственно военной сфере), так и более лапидарно (применительно к политико-дипломатической сфере) лимитировал предельный объем кооперации Германии с государствами, расположенными вне ЕС и НАТО, позволяя реализовать преимущественно тактическое и лишь в отдельных случаях стратегическое сотрудничество с таковыми. Хотя изначально и в меньших масштабах, чем другие западные державы ФРГ включилась в процесс «сдерживания» России с 2014 г.

РФ и движение Германии к положению полновесного глобального игрока

В 1990–2010-е годы, т.е. на временно́м отрезке, последовавшем за образованием объединенной ФРГ, наблюдалось два основных периода резкого подъема отношений ФРГ и РФ: 1990–1994 гг. и 2002–2005 гг. Хронологически они совпадали с периодами резкого возрастания активности ФРГ в вопросах увеличения своего влияния на региональном (Евро-Атлантическое сообщество), а затем и общемировом уровнях. Случайно ли это совпадение?

При «раннем» Г. Коле (1983 – начало 1990 г.) СССР продолжал восприниматься в качестве ключевого противника. Хотя первые симптомы возможного потепления отношений ФРГ и СССР просматривались еще с конца 1987 г., даже в первые месяцы решения «германского вопроса» (с начала февраля по первую половину июля 1990 г.) диалог был достаточно прохладным. Перелом произошел в ходе личных переговоров Г. Коля и М. Горбачева 15 июля 1990 г., продолженных в расширенном составе 16 июля 1990 г. [Из беседы 2006]. Официальному Бонну удалось добиться от советской стороны согласия на образование общегерманского государства под эгидой ФРГ с сохранением его интегрированности в состав евро-атлантических институтов, особенно НАТО. На первый план выходила задача оформления в виде официальных документов достигнутых договоренностей, а затем их реализация. Причем ключевой проблемой являлось скорейшее (с определением сроков до конца 1994 г.) обеспечение полного вывода советских войск с территории «новых земель» ФРГ. Де-юре эта задача была решена принятием цикла документов в сентябре-октябре 1990 г. В свою очередь, в понимании руководства СССР особую роль должен был играть договор о дружбе и сотрудничестве (от 9 ноября 1990 г., так называемый «большой» общеполитический договор), заключаемый на 20 лет с возможностью автоматической пролонгации и должный закрепить новое качество двусторонних отношений. Действительно, в начале 1990-х годов правительство ФРГ стало выступать главным «адвокатом» руководства СССР, а затем России перед странами Запада в целом, особенно в вопросах предоставления ему финансовой помощи. Более того, Ведомство федерального канцлера демонстративно противилось подготовке первого в реалиях постбиполярного миропорядка расширения НАТО на восток [Varwick 2007, S. 769–771]. Однако эта дружественная в отношении России линия проводилась строго на временно́м отрезке в 1991–1994 гг., а затем произошел резкий отход от нее [Максимычев, 2008: с. 32–36]. Чем он был обусловлен? Завершением вывода российских (советских) войск, т.е. демонтажем механизма военного присутствия на «новых землях» ФРГ иностранного государства, не входившего в Евро-Атлантическое сообщество. Для истеблишмента Боннской республики именно это событие означало ликвидацию

угроз, существовавших в его понимании в предшествующую «холодную войну». Это создавало «точку невозврата» в расширенном географически, выходящим далеко за пределы зоны ответственности НАТО, использовании бундесвера – как де-факто, так и де-юре: соответствующая процедура была оформлена 12–22 июля 1994 г. [The Bundeswehr 2009, p. 38–40], т.е. именно во время полного завершения вывода ЗГВ. В единой связке с этим Германия стала существенно более активно поддерживать трансформацию НАТО во всех отношениях – в том числе, в расширении на бывшие страны – участницы ОВД и часть республик СССР (страны Балтии) [Varwick 2007, S. 769–773]. Напротив, в российско-германских отношениях наблюдалось существенное ухудшение. Это свидетельствовало об «узком», более чем прагматичном подходе правительства еще Боннской республики к отношениям с РФ и перед тем к СССР при «позднем» М. Горбачеве. Осознавая себя лишь государством – членом Евро-Атлантического сообщества, ФРГ стремилась посредством диалога с Москвой прежде всего усилить свои позиции в нем, а не идти к долгосрочному сотрудничеству с РФ.

Этого «узкого» подхода первоначально – в 1998–2001 гг. – придерживалось и правительство Г. Шрёдера / Й. Фишера (СДПГ / «Зелёные») : его позиция в ходе кризиса вокруг Косова была существенно ближе к США, чем у Франции или Великобритании [Примаков 2001, с. 155–157] и даже жестче, чем у уходящего в отставку кабинета Г. Коля / К. Кинкеля, более правого по партийному составу. В условиях развернувшейся борьбы с международным терроризмом (2001) канцлер Г. Шрёдер провозгласил формулу «неограниченной трансатлантической солидарности» и пытался лоббировать использование бундесвера не только и не столько в небоевой деятельности МССБ в Афганистане, но и в операции «Enduring Freedom» (под эгидой США в национальном качестве) в различных регионах мира с четко выраженной силовой составляющей [Михайлин 2009, с. 23–24]. Однако в 2002–2003 гг. произошел резкий, выражаясь языком геометрии, перелом на 120°–180°. Правительство Герхарда Шрёдера / Йошка Фишера активировало применение «треугольника» Россия – Германия – Франция, учрежденного еще в 1998 г. по инициативе РФ, но почти не используемого до этого. В феврале-марте 2003 г. трехсторонний механизм использовался для недопущения военного вторжения группы стран Запада по главе с США в Ирак. Параллельно РФ и ФРГ тесно сотрудничали на этом направлении по линии ООН и МАГАТЭ; Германия, как и ряд западноевропейских стран – участниц НАТО, четко обозначила готовность к блокированию механизма Альянса в случае попытки его использования США для военной кампании в Ираке.

Официальный Берлин проявил исключительную заинтересованность в подписании с РФ соглашения о транзитных перевозках грузов и войск (как своих, так и союзников из числа малых европейских стран – участниц НАТО)

по российской территории в Афганистан: воздушным (соглашение 9 октября 2003 г.) и железнодорожным (26 октября 2004 г.) путем. Признавая беспрецедентный характер этого шага в отношении государства – члена НАТО, В. Путин еще 26 февраля 2003 г. согласился на подписание данных документов [Начало переговоров 2003]. В свою очередь, ФРГ сыграла важную роль в запуске Совета Россия-НАТО (учрежден в 2002 г.) [Varwick 2007, S. 772–773]. Исключительно позитивно в Москве был воспринят проект реформы НАТО, выдвинутый в докладе Г. Шрёдера на XLI Мюнхенской конференции от 12 февраля 2005 г.: предложения по усилению политической составляющей (и сокращению военной) в деятельности Альянса и увеличении удельного веса его европейских государств-членов при принятии решений [Комментарий 2005]. Именно такой сценарий трансформации Североатлантического блока рассматривался РФ в качестве наиболее благоприятного еще с середины 1990-х годов [Примаков 1999, с. 249]. В свою очередь, Путин выразил готовность оказать поддержку Германии в реализации ее намерений по получению постоянного места в Совете Безопасности ООН [Пресс-конференция 2005]. Чем обусловлен столь стремительный подъем двусторонних отношений в 2002–2005 гг.? У представителей истеблишмента Германии во главе с Г. Шрёдером возникло отчетливое осознание того, что решение задачи по обеспечению глобального лидерства требует иного качества отношений с игроками вне пределов Евро-Атлантического сообщества. Притом внутри него реализация амбиций ФРГ сопровождалась ростом противоречий с другими западными державами, особенно с США. Это отнюдь не означало пересмотра фактора ориентированности на партнеров по НАТО и ЕС, но привносило существенно бóльшую гибкость во внешнюю политику Германии. При «зрелом» Г. Шрёдере сближение с РФ, в отличие от «позднего» Г. Коля, стало носить не «узкий», но, по сути, стратегический характер.

Таким образом, во всех рассмотренных случаях подъем двусторонних отношений стартовал на фоне их глубокого спада, когда стороны или находились в состоянии конфронтации (к 1990 г.) или были близки к этому (на фоне кризиса вокруг Косова). Хронологически фаза подъема занимала три-четыре года, сменяясь затем достаточно продолжительным спадом диалога. Насколько данная закономерность оказалась применима к ситуации конца 2010-х годов?

Динамика российско-германского диалога в области безопасности и обороны во второй половине 2010-х годов

В 2014–2016 гг. ФРГ включилась – более быстро в общеполитическом, ценностно-информационном и экономическом отношениях, с запозданием – в военном плане – в процесс конфронтации «коллективного» Запада и России.

При использовании бундесвера Германия все же стремилась придерживаться принципа «стратегической сдержанности», что особенно отчетливо проявилось в 2014–2015 гг. в вопросах проведения учений и развертывания группировок НАТО в непосредственной близости от российских границ. В условиях «заморозки» странами – участницами Евро-Атлантического сообщества с апреля 2014 г. практически всех переговорных форматов с участием РФ германо-французский тандем инициировал запуск «Нормандского формата» (6 июня 2014 г.). ФРГ он воспринимался как площадка для демонстративно вынужденного взаимодействия с Москвой по урегулированию вооруженного конфликта на востоке Украины. Ключевым промежуточным результатом стало соглашение «Минск-2» от 12 февраля 2015 г. Несмотря на «пробуксовывание» процесса его имплементации, данная проблематика неизменно оставалась в фокусе внимания в рамках диалога ФРГ и РФ на высшем уровне.

В конце ноября 2015 г. на встрече в Париже А. Меркель и В. Путин обсудили борьбу с «Исламским государством»[2] [Kanzlerin in Paris 2015]. Ключевая причина этого – начало успешной операции ВКС РФ в САР (с 30 сентября 2015 г.), что объективно напрямую способствовало снижению остроты миграционного давления из зоны сирийско-иракского конфликта на страны – участницы ЕС, хотя официально этот факт ФРГ и ее партнерами не признавался. Притом растущую обеспокоенность официального Берлина вызывала возможность разгрома коалицией РФ – правительства САР – ИРИ военизированных формирований «умеренной» сирийской оппозиции, неоднократно сближавшейся со структурами международного терроризма. Стремясь ее защитить, глава МИД ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер призывал к немедленному прекращению боев в Алеппо, указывая на риск возникновения в зоне боевых действий гуманитарной катастрофы [Außenminister Steinmeier 2016].

Симптоматичен рост числа телефонных переговоров Ангелы Меркель и Владимира Путина в январе–апреле 2017 г.: их было проведено четыре против шести за период с мая 2015 по декабрь 2016 г.[3], т.е. частота возросла втрое. Результирующей этого стало проведение двусторонних переговоров в Сочи 2 мая 2017 г. О тональности переговоров свидетельствовало подчеркнутое удовлетворение канцлера готовностью РФ принимать активное участие в работе саммита «G20» в Гамбурге (июль 2017 г.) и отсутствие упоминаний о факте возвращения Крыма под российский суверенитет [Pressekonferenz 2017]. Наблюдался некоторый рост точек соприкосновения по урегулированию вооруженного конфликта на востоке Украины (в контексте поддержки наблюдателей ОБСЕ), а также по Сирии [Pressekonferenz 2017]. В сентябре

2. Запрещенная в России террористическая организация.

3. Рассчитано автором на основе данных Ведомства федерального канцлера: https://www.bundesregierung.de

2017 г. канцлер ФРГ заявила о принципиальной поддержке идеи РФ о запуске миротворческой миссии ООН на востоке Украины в дополнение к миссии ОБСЕ, наделенной лишь мониторинговыми функциями [Bundeskanzlerin Merkel 2017]. Однако стало возрастать напряжение на сирийском направлении. Формально растущую обеспокоенность германо-французского тандема вызывала близкая к гуманитарной катастрофе ситуация в САР (с возложением значительной части ответственности за это на ее власти), фактически же – опасения полного разгрома сил «умеренной» оппозиции [см.: Brief von Bundeskanzlerin 2018]. Эта тематика оказалась в фокусе телефонных переговоров А. Меркель и В. Путина во второй половине 2017 г. (состоялось лишь три консультации) и в январе–апреле 2018 г. (количество увеличилось до четырех[4], т.е. частотность вновь стала ежемесячной), что ознаменовало подготовку к новой встрече в «Сочинском формате» (18 мая 2018 г.). Состоявшиеся переговоры показали, что «сирийская проблема» несколько снизила свою остроту: А. Меркель выразила поддержку «Астанинскому формату» [Pressekonferenz 2018 a], при этом изыскивая возможности вести диалог по ситуации в САР с Ираном, Россией, Турцией. 18 августа 2018 г., всего через четыре месяца после очередной встречи в «Сочинском формате», он де-факто вновь был активирован: если до этого переговоры проходили в резиденции В. Путина, то в этот раз в личном представительстве канцлера в замке Мезеберг. Президент РФ впервые посетил ФРГ с момента начала украинских событий вне переговоров в «Нормандском формате». Эти факты иллюстрировали определенный рост взаимодоверия в германо-российских отношениях. Примером тому стала совместная приверженность сохранению СВПД «шестерки»[5] с Ираном (2015) в условиях выхода из нее США при Дональде Трампе [Pressestatements 2018].

В ходе двусторонней встречи в Мезеберге был продуман новый переговорный механизм: Россия – германо-французский тандем – Турция, позволявший официальному Берлину в достаточно полной мере влиять на работу «Астанинского формата». Четырехсторонняя встреча была организована 27 октября 2018 г. в Стамбуле. Были намечены контуры возможной взаимоприемлемой для РФ и ФРГ формулы урегулирования «сирийского вопроса»: эволюция вертикали власти в САР на основе сохранения действующего руководства и органичной интеграцией в нее действительно умеренной оппозиции [Pressekonferenz 2018 b]. Однако оказавшимся в реалиях конца 2010-х годов

4. Рассчитано автором на основе данных Ведомства федерального канцлера: https://www.bundesregierung.de

5. В ее состав входили пять постоянных членов Совета Безопасности ООН, являвшихся одновременно единственными легальными ядерными державами, а также ФРГ. – Прим. авт.

непреодолимым препятствием стал «идлибский вопрос». Солидаризируясь с Турцией и другими западными державами, официальный Берлин противился попыткам установления суверенитета правительства САР над сирийской провинцией Идлиб, где сосредоточились вытесненные из других районов страны остатки формирований «умеренной» оппозиции (Свободной сирийской армии, ССА) и террористических группировок, вступивших в тесные отношения. Не признавая данный факт, германская сторона весьма болезненно воспринимала каждую попытку правительственных сирийских войск при поддержке РФ и ИРИ перейти в наступление в Идлибе [Pressekonferenz 2018 b].

Чем был обусловлен рост объемов взаимодействия между Россией и Германией в 2017–2018 гг., включая возникновение «Сочинского формата»? С точки зрения автора, магистральная причина этого со стороны ФРГ – одновременное резкое возрастание как трудностей, так и «окна возможностей» на пути движения к положению полновесного глобального игрока. Соответствующий эффект, во-первых, оказал не только и не столько Брекзит, но глубокий спад в отношениях Германии (и в целом ряда континентальных европейских стран – участниц ЕС и НАТО) и США в период президентства Д. Трампа (2017–2021). Отнюдь не случаен факт совпадения старта интенсификации контактов между В. Путиным и А. Меркель (январь 2017 г.) и давления, оказываемого администрацией Д. Трампа на ФРГ декларативно и практически. Во-вторых, резко возросло давление экзистенциональных (а не сугубо потенциальных, как это было в случае «российской угрозы») рисков безопасности Германии и ее партнеров по ЕС и НАТО, исходящих из нестабильных государств. Это показали миграционный кризис 2015–2016 гг. и тесно связанный с ним рост террористической активности в странах Европейского союза. Основной массив стран, выступавших источниками нестабильности, располагался на Ближнем Востоке (Сирия, Ирак), в Северной Африке (Ливия, Мали с перспективой вхождения в их состав других стран «сахельской пятерки», а также Сомали) и в Центральной Азии (Афганистан). Отсюда рост, во многом вынужденный, интереса к взаимодействию с РФ в борьбе с угрозами нестабильности, особенно с учетом результативности борьбы России с международным терроризмом в САР.

Переход в 2017–2018 гг. к более тесному взаимодействию с Россией должен был продемонстрировать практическую способность ФРГ действовать автономно от США в вопросах урегулирования вооруженных конфликтов на востоке Украины (особенно с учетом запуска миссии Курта Волкера как альтернативы «Нормандскому формату»), в Сирии (где США играли роли главного координатора II западной антитеррористической коалиции), а также сохранению «ядерной сделки» с Ираном. Следует подчеркнуть, что в сближении с РФ германская сторона в 2017–2018 гг. прошла то расстояние и вы-

шла лишь на тот уровень взаимодействия, которые были возможны с учетом ее позиционирования как части Евро-Атлантического сообщества.

Означает ли это, что к началу 2020-х годов РФ и ФРГ подошли к пределам потенциала своего сближения? Следует дать скорее положительный ответ. Притом на рубеже 2019–2020 гг. наблюдалось взаимное стремление РФ и ФРГ «дореализовать» остававшийся потенциал взаимодействия. В случае Украины потенциальное «окно возможностей» открывал цикл выборов: президентских (31 марта и 21 апреля 2019 г., завершились убедительный победой В. Зеленского) и парламентских (21 июля 2019 г., по итогам голосования, большинство голосов получила ориентированная на нового президента партия «Слуга народа»). Это оказало определенное влияние на российско-германские отношения: из них почти исчез присутствовавший в них фактор экс-президента Петра Порошенко, сковывающий их развитие. 9 декабря 2019 г. в Париже была активирована работа «Нормандского формата» (с участием В. Зеленского). В ходе многочасовых переговоров (поэтапно проходивших по формуле «1+2+1», «1+1» (президенты России и Украины наедине) и затем вновь всей «четверкой») была подтверждена, хотя и не без проволочек со стороны официального Киева, приверженность реализации «Минска-2». Был намечен к реализации комплекс мер, включая обмен пленными (по схеме «всех на всех»), увеличение числа отрезков на линии разделения сторон, где был запланирован отвод тяжелых вооружений, а также проведение местных выборов на территории ДНР и ЛНР по «формуле Штайнмайера» [Pressekonferenz 2019].

11 января 2020 г. состоялся визит А. Меркель в Москву, главной целью которого являлось налаживание сотрудничества по «ливийской проблеме» [Pressekonferenz 2020]. На протяжении 2012–2018 гг. Германия не могла найти возможности активно включиться в ее урегулирование. Поддержка РФ стала ключевым фактором, позволившим разрешить эту трудность, становившуюся все более чувствительной для ФРГ. На переговорах 11 января 2020 г. была окончательно согласована поэтапная схема налаживания межливийских переговоров: встреча лидеров враждующих сторон – Правительства национального согласия Фаиза Сараджа и Ливийской национальной армии Халифа Хафтара должна была сначала (13 января) пройти в Москве, а затем (19 января) в Берлине. Назначение двух раундов переговоров (притом одного вне Евро-Атлантического сообщества, а другого в его пределах) как «страховки» от их провала оправдалось. Если 13 января 2020 г. стороны еще оказались не готовы к принятию общих обязательств, то 19 января, с учетом предшествующей встречи, было заключено соглашение о прекращении огня и примирении [Einigung 2020]. Ключевую роль в Берлинской конференции играла именно переговорная «связка» В. Путин – А. Меркель [Einigung 2020].

Однако данный этап «дореализации» потенциала взаимодействия РФ и ФРГ в области безопасности и обороны оказался весьма кратковременным.

Если снижение контактов в феврале-марте 2020 г. вполне можно было объяснить «заморозкой» мирополитических процессов в условиях пандемии COVID-19, то со второй половины 2020 г. вновь началась деградация диалога.

Во-первых, она проявилась на постсоветском пространстве. Отказавшись признавать итоги президентских выборов в Беларуси (6 августа 2020 г., на которых победу одержал А.Г. Лукашенко), официальный Берлин избрал курс на поддержку оппозиции во главе со Светланой Тихановской и критически воспринял сам факт готовности РФ оказывать поддержку РБ в рамках договора о Союзном государстве [Regierungspressekonferenz 2020]. «Пробуксовывание» наблюдалось и в случае урегулирования вооруженного конфликта на востоке Украины. Были в значительной степени выполнены лишь два пункта (о прекращении огня, притом с июля 2020 г., и обмене пленными) из семи, принятых на встрече «Нормандской четверки» от 9 декабря 2020 г. [Комментарий 2020]. Весьма опасна с точки зрения возможности «разморозки» приднестровского конфликта инициатива, избранной президентом Молдовы, Майи Санду (от декабря 2020 г.), поддерживающей тесные контакты со странами Запада, о необходимости вывода российского миротворческого контингента из этой зоны. И в случае востока Украины и Приднестровья ФРГ стремилась к распространению на их территории соглашения об ассоциации с ЕС, подписанного официальными Киевом и Кишиневом еще в июне 2014 г., тем «отягощая» сам процесс урегулирования, и без того шедший сложно [Вступительное слово 2020].

Во-вторых, это раскручивание официальным Берлином сугубо политизированного «дела Навального». В этом вопросе ФРГ, стремясь позиционировать себя в качестве защитницы демократических ценностей (и тем отчасти перенимая данную роль у США), де-факто нарушила суверенитет РФ. Этот кризис был тем болезненнее, что оказался хронологически расположен между отсутствием А. Меркель на торжествах 24 июня 2020 г. в честь 75-летия Победы и замалчиванием роли СССР в образовании объединенной ФРГ (1990), 30-летие которого отмечалось в октябре 2020 г. [Вступительное слово 2020].

В-третьих, оказалось сведено к минимуму взаимодействие двух стран по урегулированию вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке (особенно в Сирии) и в Северной Африке (в Ливии) [Вступительное слово 2020].

* * *

Потепление отношений РФ и ФРГ в 2017 г. – начале 2020 г. оказалось менее продолжительным и, главное, достигло существенно меньших объемов и уровня роста доверия, чем это было в 1990–1994 гг. и особенно в 2002–2005 гг. Отчасти это объяснялось наличием такого фона, как новая конфронтация в отношениях Запада и РФ. Значимой причиной следует признать изме-

нение внешнеполитического положения ФРГ. В первой половине 1990-х годов поддержка России (и ранее «позднего» СССР) нужна была официальному Берлину для полноценного старта движения к положению региональной державы. В первой половине 2000-х годов помощь РФ оказалась востребованной в условиях начальных фаз попыток ФРГ утвердиться в роли глобального игрока.

К концу 2010-х годов официальный Берлин продвинулся в этом направлении существенно дальше и потому уже по-иному оценивал ценность перехода к более продвинутым отношениям с РФ. Более того, якобы существующая «российская угроза» де-факто все более активно использовалась для укрепления позиций Германии внутри Евро-Атлантического сообщества.

В процессе попыток ФРГ укрепить свои позиции в мире – в том числе на постсоветском пространстве – действующий истеблишмент страны не проявлял готовности к выстраиванию кооперативных схем безопасности с незападными игроками. Именно это обстоятельство представляется ключевой преградой для дальнейшей реализации амбиций Германии как полновесного глобального игрока. При этом наблюдаемая к началу 2020-х годов неготовность официального Берлина к реальному учету интересов их стран особенно чувствительна и важна в отношении России. Тем самым принижается значение фактора исторической ответственности Германии за развязывание двух мировых войн. Осознание этой необходимости пока в полной мере сохраняется лишь у отдельных представителей истеблишмента ФРГ [Altkanzler Schröder 2020].

Библиография

Вступительное слово министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе встречи с делегацией партии «Альтернатива для Германии» // МИД РФ. 2020. 8 дек. URL: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4470110 (дата обращения: 11.01.2021).

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII.М.: Международные отношения, 1994. С. 34–37 // Гарант. Ру. Информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/2541069/#friends (дата обращения: 11.01.2021).

Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем один на один. 15 июля 1990 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991. М.: Весь мир, 2006. С. 495–503.

Комментарий департамента информации и печати МИД РФ в связи с вопросом СМИ относительно предложений канцлера Г. Шрёдера по реформированию НАТО // МИД РФ. 2005. 24 фев. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670595/ (дата обращения: 11.01.2021).

Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с годовщиной парижского саммита «нормандского формата» // МИД РФ. 2020. 9 Дек. URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavitelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4472961 (дата обращения: 11.01.2021).

Максимычев И.Ф. Цена политических иллюзий // Обозреватель Observer. 2008. № 3. С. 29–38.

Михайлин К.Н. ФРГ и НАТО в Афганистане (2001–2008 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 1. С. 22–27.

Начало переговоров Президента России В.В. Путина и федерального канцлера ФРГ Г. Шрёдера, Москва // МИД РФ. 2003. 26 фев. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1751851/ (дата обращения: 11.01.2021).

Пресс-конференция В.В. Путина по итогам встречи с федеральным канцлером ФРГ Герхардом Шрёдером и президентом Франции Жаком Шираком. Калининград // Сайт президента РФ. 2005. 03 июль. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23075 (дата обращения: 11.01.2021).

Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс… М.: Мысль, 2001. 238 с.

Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999. 445 с.

Тарле Е.В. Наполеон. Минск: Беларусь, 1992. 427 с.

Уткин А.И. Первая мировая война. М.: ЭКСМО : Алгоритм, 2002. 670 с.

Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. Смоленск: Русич, 2000. 480 с.

Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. М.: Мысль, 1988. 416 с.

Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. М.: Вече, 2002. 526 с.

Altkanzler Schröder im Interview: «Die unsinnigen Russland-Sanktionen müssen weg» // Der Tagesspiegel. 2020. 03 Mai. URL: https://www.tagesspiegel.de/politik/altkanzler-schroeder-im-interview-die-unsinnigen-russland-sanktionen-muessen-weg/25795514.html (date of access: 11.01.2021).

Außenminister Maas reist nach Litauen // Auswärtiges Amt. 2018. 09 Mai. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-litauen/2075686 (date of access: 11.01.2021).

Außenminister Steinmeier begrüßt Entsendung von UN-Beobachtern nach Aleppo // Auswärtiges Amt. 2016. 20 Dez. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Syrien/201216_Syrien_UNBeobachter.html (date of access: 11.01.2021).

Bartels H.-P., Glatz R.L. Welche Reform die Bundeswehr heute braucht – ein Denkanstoß // SWP-Aktuell. 2020. Oktober. № 84. 8 S.

Brief von Bundeskanzlerin Merkel und dem französischen Präsidenten Macron an den russischen Präsidenten Putin zur Lage der Zivilbevölkerung in Ost-Ghouta, Syrien // Bundeskazleramt. 2018. 23 Feb. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/brief-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-an-den-russischen-praesidenten-putin-zur-lage-der-zivilbevoelkerung-in-ost-ghouta-syrien-319726 (date of access: 11.01.2021).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Putin // Bundeskanzleramt. 2020. 08 Mai. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-putin-1751558 (date of access: 11.01.2021).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Staatspräsidenten Wladimir Putin // Bundeskanzleramt. 2017. 11 Sep. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-staatspraesidenten-wladimir-putin-482588 (date of access 11.01.2021).

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parlamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.

Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen // Bundeskanzleramt. 2020. 19 Jan. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310 (date of access 11.01.2021).

Hacke C. Weltmacht wider Willen. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart: Klett-Cotta, 1988. 340 S.

Kanzlerin in Paris. Merkel spricht mit Putin über Kampf gegen IS // Bundeskanzleramt. 2015. 30 Nov. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merkel-spricht-mit-putin-ueber-kampf-gegen-is-433536 (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von BK'in Merkel, Präsident Macron, Präsident Putin und Präsident Selensky am 9 Dezember 2019 in Paris // Bundeskanzleramt. 2019. 09 Dez. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bk-in-merkel-praesident-macron-praesident-putin-und-praesident-selensky-am-9-dezember-2019-1705200 (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, Präsident Erdoğan, Präsident Putin und Präsident Macron zur Lage in Syrien in Istanbul // Bundeskanzleramt. 2018. 27 Okt. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-praesident-erdoğan-praesident-putin-und-praesident-macron-zur-lage-in-syrien-1542886 (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Russland, Wladimir Putin in Moskau // Bundeskanzleramt. 2020. 11 Jan. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-russland-wladimir-putin-1711802 (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Putin in Sotschi // Bundeskanzleramt. 2017. 02 Mai. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-putin-844758 (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Wladimir Putin in Sotschi // Bundeskanzleramt. 2018. 18 Mai. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1006742 (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Staatspräsident Putin am 10 Mai 2015 in Moskau // Bundeskanzleramt. 2015. 10 Mai. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-staatspraesident-putin-am-10-mai-2015-in-moskau-848730 (date of access: 11.01.2021).

Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Putin in Schloss Meseberg // Bundeskanzleramt. 2018. 18 Aug. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-putin-1514454 (date of access: 11.01.2021).

Regierungspressekonferenz vom 17. August 2020 // Bundeskanzleramt. 2020. 17 Aug. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungspressekonferenz-vom-17-august-2020-1777600 (date of access: 11.01.2021).

Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 763–778.

References

Altkanzler Schröder im Interview: «Die unsinnigen Russland-Sanktionen müssen weg». Tagesspiegel. 2020. 03 Mai. URL: https://www.tagesspiegel.de/politik/altkanzler-schroeder-im-interview-die-unsinnigen-russland-sanktionen-muessen-weg/25795514.html (date of access 11.01.2021).

Außenminister Maas reist nach Litauen. Auswärtiges Amt. 2018. 09 Mai. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-litauen/2075686 (date of access: 11.01.2021).

Außenminister Steinmeier begrüßt Entsendung von UN-Beobachtern nach Aleppo // Auswärtiges Amt. 2016. 20 Dez. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Syrien/201216_Syrien_UNBeobachter.html (date of access: 11.01.2021).

Bartels H.-P., Glatz R.L. Welche Reform die Bundeswehr heute braucht – ein Denkanstoß // SWP-Aktuell. 2020. Oktober. N 84. 8 S.

Brief von Bundeskanzlerin Merkel und dem französischen Präsidenten Macron an den russischen Präsidenten Putin zur Lage der Zivilbevölkerung in Ost-Ghouta, Syrien // Bundeskazleramt. 2018. 23 Feb. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/brief-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-an-den-russischen-praesidenten-putin-zur-lage-der-zivilbevoelkerung-in-ost-ghouta-syrien-319726 (date of access: 11.01.2021).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Putin // Bundeskanzleramt. 2020. 08 Mai. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-putin-1751558 (date of access: 11.01.2021).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Staatspräsidenten Wladimir Putin // Bundeskazleramt. 2017. 11 Sep. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-staatspraesidenten-wladimir-putin-482588 (date of access: 11.01.2021).

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. 2009. Berlin: Federal Ministry of Defense. 120 p.

Chubinskij V.V. Bismark. Politicheskaja biografija [Bismark. Political biography]. 1988. Moscow: Mysl'. 414 p. (In Russ.)

Dogovor ob okonchatel'nom uregulirovanii v otnoshenii Germanii ot 12 sentjabrja 1990 g. [Treaty on the Final Settlement with Respect to Germany. September 12, 1990]. Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR i Rossijskoj Federacii. Vypusk XLVII. 1994. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. P. 34–37. (In Russ.)

Iz besedy M.S. Gorbacheva s G. Kolem odin na odin. 15 ijulja 1990 g. [From the conversation of M.S. Gorbachev with G. Kohl face to face. July 15, 1990]. Mihail Gorbachev i germanskij vopros. Sbornik dokumentov. 1986–1991. 2006. Moscow: Ves' mir. P. 495–503. (In Rus.)

Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen. Bundeskanzleramt. 2020. 19 Jan. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310 (date of access: 11.01.2021).

Hacke C. Weltmacht wider Willen. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart: Klett-Cotta, 1988. 340 S.

Vstupitelnoe slovo ministra inostrannich del Rossiyskoi Federatsii Lavrova v chode vstrechi s delegatsiey partii «Alternativa dlya Germanii» [Introduction of Russian ministry of foreign affairs S.V. Lavrov at the negotiations with the delegation of the party «Alternative for Germany»]. Russian Ministry of Foreign Affairs. 2020. 8 Dez. URL: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4470110 (date of access: 11.01.2021). (In Russ.)

Kanzlerin in Paris. Merkel spricht mit Putin über Kampf gegen IS. Bundeskanzleramt. 2015. 30 Nov. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merkel-spricht-mit-putin-ueber-kampf-gegen-is-433536 (date of access: 11.01.2021).

Maksimychev I.F. Tcena politicheskih illjuzij [The price of political illusions]. Observer. 2008. N 3. P. 29–38. (In Russ.)

Mihajlin K.N. FRG i NATO v Afganistane (2001–2008 gg.)) [Germany and NATO in Afghanistan (2001–2008]. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. N 1. P. 22–27. (In Russ.)

Nachalo peregovorov prezidenta Rossii V.V. Putina i federal`nogo kanczlera FRG G. Shryodera, Moskva [The beginning of negotiations between the President of Russia V.V. Putin and

the Federal Chancellor of Germany G. Schroeder, Moscow]. MID RF. 2003. 26 Fev. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1751851/ (date of access: 11.01.2021). (In Russ.)

Press-konferencija V.V. Putina po itogam vstrechi s federal'nym kanclerom FRG Gerhardom Shrjoderom i prezidentom Francii Zhakom Shirakom. Kaliningrad [Press conference of Vladimir V. Putin following a meeting with German Federal Chancellor Gerhard Schroeder and French President Jacques Chirac. Kaliningrad] // President of the Russian Federation. 2005. 03 Jun. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23075 (date of access: 11.01.2021). (In Russ.)

Pressekonferenz von BK'in Merkel, Präsident Macron, Präsident Putin und Präsident Selensky am 9 Dezember 2019 in Paris. Bundeskanzleramt. 2019. 09 Dez. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bk-in-merkel-praesident-macron-praesident-putin-und-praesident-selensky-am-9-dezember-2019-1705200 (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, Präsident Erdoğan, Präsident Putin und Präsident Macron zur Lage in Syrien in Istanbul (b). Bundeskanzleramt. 2018. 27 Oct. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-praesident-erdoğan-praesident-putin-und-praesident-macron-zur-lage-in-syrien-1542886 (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Russland, Wladimir Putin in Moskau. Bundeskanzleramt. 2020. 11 Jan. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-russland-wladimir-putin-1711802 (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Putin in Sotschi. Bundeskanzleramt. 2017. 02 Mai. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-putin-844758 (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Wladimir Putin in Sotschi (a). Bundeskanzleramt. 2018. 18 Mai. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1006742 (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Staatspräsident Putin am 10 Mai 2015 in Moskau. Bundeskanzleramt. 2015. 10 Mai. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-staatspraesident-putin-am-10-mai-2015-in-moskau-848730 (date of access: 11.01.2021).

Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Putin in Schloss Meseberg. Bundeskanzleramt. 2018. 18 Aug. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-putin-1514454 (date of access: 11.01.2021).

Zajavlenie dlja pressy i otvety na voprosy na sovmestnoj press-konferencii posle trjohstoronnih peregovorov prezidenta Rossii V.V. Putina s federal'nym kanclerom FRG G. Shrjoderom i prezidentom Francii Zh. Shirakom. Sankt-Peterburg [Press statement and answers to questions at a joint press conference after trilateral talks between Russian President Vladimir V. Putin, Federal Chancellor of Germany G. Schroeder and French President J. Chirac. St. Petersburg]. Russian Ministry of Foreign Affairs. 2003. 11 Apr. URL: http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027e43256d08002aadbe!OpenDocument (date of access: 11.01.2021). (In Russ.)

Primakov E.M. Vosem' mesjacev pljus… [Eight months plus...] 2001. M.: Mysl', 2001. 238 p. (In Russ.)

Primakov E.M. Gody v bol'shoj politike [Years in the big politics]. 1999. M.: Sovershenno sekretno. 445 p. (In Russ.)

Regierungspressekonferenz vom 17. August 2020. Bundeskanzleramt. 2020. 17 Aug. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungspressekonferenz-vom-17-august-2020-1777600 (date of access: 11.01.2021).

Kommentarij departamenta informacii i pechati MID RF v svjazi s voprosom SMI otnositel'no predlozhenij kanclera G. Shrjodera po reformirovaniju NATO [Russian MFA Information and Press Department Commentary Regarding a Media Question Regarding Proposals by Chancellor G. Schroeder for NATO Reform]. Russian Ministry of Foreign Affairs. 2005. 24 Dec. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670595/ (date of access: 11.01.2021). (In Russ.)

Kommentariy ofizialnogo predstavitelya MID Rossii M.V. Zakharovoy v svyazi s godovshinoy parizhskogo summita «normandskogo formata» [Russian MFA official representative M.V. Zakharova in the connection with anniversary of Paris summit of «Normandy format»]. Bundeskanzleramt. 2020. 9 Jan. URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavitelya/-/asset_publisher/MCZ7HquMdqBY/content/id/4472961 (date of access: 11.01.2021). (In Russ.)

Shefov N.A. Samye znamenitye vojny i bitvy Rossii [The most famous wars and battles of Russia]. 2002. Moscow: Veche. 526 p. (In Russ.)

Tarle E.V. Napoleon [Napoleon]. 19923. Minsk: Belarus`. 427 p.

Utkin A.I. Rossija nad bezdnoj. 1918 – dekabr' 1941 g. [Russia over the abyss. 1918–1941, December]. 2000. Smolensk: Rusich. 480 p. (In Russ.)

Utkin A.I. Pervaja mirovaja vojna [World War I]. 2001. Moscow: E`KSMO: Algoritm, 2002. 670 p. (In Russ.)

Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). 2007. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH. S. 763–778.